

Александра Кортаева
Наша счастливая
треклятая жизнь

Александра Коротаева
**Наша счастливая
треклятая жизнь**

Повесть

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44
К68

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Коротаева, Александра

К68 Наша счастливая треклятая жизнь: повесть / АЛЕКСАНДРА КОРОТАЕВА. —
Москва: АСТ: CORPUS, 2013. — 272 с.

ISBN 978-5-17-078154-6 (ООО “Издательство АСТ”)

Повесть Александры Коротаевой “Наша счастливая треклятая жизнь” основана на подлинных событиях. Это очень смешные и очень горькие, забавные и пронзительно откровенные истории, рассказывающие о детстве автора, которое проходило сначала на берегу Черного моря, в Крыму, а затем — волей судьбы и немилосердных обстоятельств — в столице Сибири — Новосибирске. Время действия — 60–70-е годы минувшего века. Одним та эпоха покажется не такой уж и далекой (но ведь давно замечено, что каждый помнит свое и по-своему и что азарт чужих воспоминаний заражает нас, почти магическим образом запуская механизм нашей собственной памяти). А для кого-то она — неведомый мир, странный, а часто и до неправдоподобия абсурдный. Однако из прошлого в этой книге протянуты прочные нити в настоящее: из нее мы многое узнаем о “взрослой” жизни героини повести и о нашем сегодняшнем времени.

Александра Коротаева закончила Высшее театральное училище им. М. С. Щепкина, курс Народного артиста СССР М. И. Царева. Повесть “Наша счастливая треклятая жизнь” — ее литературный дебют.

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-078154-6 (ООО “Издательство АСТ”)

- © Александра Коротаева, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Я пришла к вам. Вы рады мне?	13	Аннушка	61
Родилась я	15	Тюк	63
Если	17	Асфиксия	65
Люлька	19	Балка	67
Смерть папы	22	Карусель	69
Похороны	23	Домашние игры	72
Крещение	27	Нанка	74
У Марфуши	28	Улица	77
Копия	32	Театр	79
Первый снег	33	Наши	83
Я — танк	34	Семечки	87
Шея	36	Весна	89
Игрушки	38	Воздух	90
Зонтики	41	Гуси	92
Новый год	43	Яблоки	94
Лисичка	45	Уксус	95
Обман	48	Утро	98
Земля	50	Первое сентября	100
Корыто	53	Правда жизни	102
Радость	55	Мопассан	104
Копчик	59	“Горный”	106

Шмакатурша	109	Цветок	195
Коса	111	Сказка	197
Горба	112	Набережная	199
Рыба	116	Хляби небесные	202
Дельфин	118	Зимнее небо	204
Деревья	121	Мост	205
“Русский лес”	124	Волк	207
Сараи	127	Небесные игры	209
Топор	129	Счастье	212
Нож	131	Болезнь мамы	214
Варвары	133	Недоразумение	218
Любовь	135	Бойцы	220
Градусник	139	Последняя гастроль	222
Море	142	Подарки	225
Курортники	144	Еще раз про любовь	227
Огонь	147	Парад 9 Мая	229
Вода	150	Свобода	231
Баня	152	Погранка	232
Гомнюки	155	Русалочье счастье	235
Смотрите и запоминайте	159	Запахи	239
Октябрь 1972 года	161	Ткани	243
Уборщица	163	Пепел роз	245
Съемки	165	Апельсин	248
Сало	167	Трубочка с кремом	250
Первая зима	168	Конфеты	253
Способные дети	170	Телик	256
Морсад	173	Почти взрослая жизнь	259
История маминой семьи	177	“Берлин”	261
Ништяк	184	“Немного солнца в холодной воде”	264
Домино	186	Айвазовский	266
Песни	188	Море волнуется, раз!	268
Счастливым мусорщик	193		

Памяти нашей мамы

Я иду в Ботанический сад. Сорок минут — и я в Ботаническом. Я ни о чем не думаю. Я просто передвигаю ноги. Иду достаточно быстро, чтобы взбодриться и не замерзнуть. На асфальте осенние листья, лужи. Кое-где еще не умершая трава из последних сил цепляется за жизнь. Над головой серые свинцовые тучи, и сыплет мелкий застенчивый дождь. Открываю зонт, иначе промокну. По пути прямо у лап нашей знаменитой телевизионной башни Останкинское кладбище, о котором почти никто не знает. Там лежат родственники — отец моей дочери и его родители.

В цветочном магазине, который всегда открыт и всегда весел, невзирая на довольно печальное соседство, покупаю самые дешевые маленькие розы трех оттенков (все разные) и прохожу к могилам. Три деревянных креста. Все рядом. Три разных человека, а кресты одинаковые, правда, свекру достался самый лучший. Его делал мой муж, с которым мы уже не живем вместе, но еще не развелись. Убираю упавшие на могилы большие ветки. Ставлю цветы в обрезанные пластмассовые бутылки. Листья

будут лежать до весны, я их не трогаю. Смысл? Они прикроют от мороза ландыши, которые расцветут весной. Румяные могольщики будут с радостью рыть жирную землю и вспоминать, какой непробиваемой она была в мороз. Полезет наглая трава, и накануне Пасхи живые проведают мертвых.

Я стою, курю, и нет у меня ни горечи, ни сожаления, ни тоски. Ничего. Я просто стою и курю. Живу. Я чувствую, что я живая среди этого безразличия и пустоты. Гашу сигарету, говорю: “Ну ладно, ребята, вы как хотите, а я пошла. Может, на следующей недельке загляну к вам”. И иду дальше. Я давно заметила за собой такую штуку. Вот ты идешь, и тебе кажется, что ты ни о чем не думаешь. Ничего подобного! Думаешь! Еще как думаешь! Даже больше, чем если бы ты занимался каким-то важным делом. Мысли твои живут отдельно от тебя, помимо тебя, а может, и вне тебя. Ну, я не хочу, например, думать о чем-то, а думаю об этом. Я злюсь на себя, пытаюсь сделать усилие над собой, но продолжаю думать о том, о чем думать не хочу. И наоборот. Мне нужно, мне необходимо подумать о чем-то, додумать эту мысль, но она скачет, не дается, я гоняюсь за ней, она от меня, и так бесконечно. Это у всех так или только у меня?

Перехожу дорогу. Звонит трамвай...

Один близкий человек сказал мне однажды, не для того чтобы обидеть, а так, к слову пришлось: “Неудачница!” Неожиданно больно кольнуло. Я — неудачница! Никогда себя не считала ею, а сейчас задумалась. А может, и правда?

В моей жизни действительно не все складывалось удачно, но из тяжелых ситуаций я всегда выплзала. Пусть не просто, со скрипом, с потерями, но, не утратив, как мне кажется,

собственного достоинства. Я могла бы сделать свою жизнь легче, но я бессознательно, а иногда и сознательно, уходила — слишком большой была цена той легкости. Я стала бы другой, а другой я себе не нужна. Я делала свой выбор.

Где мерило, по которому можно судить жизнь неудачника или “удачника”? Что должно свершиться в жизни человека, чтобы можно было про него сказать, что он удачно прожил или проживает свою жизнь? Реализация заложенного в нем таланта? Карьера? Дом? Семья? Деньги? Да, наверное, все мои близкие (и я в том числе) — неудачники. У каждого не состоялось то, что, казалось, должно было состояться. То есть мы действительно не дотянулись до той волшебной планки, на которой обозначено: “удачник”.

У моей дочери была в университете подруга. Она умерла от саркомы, не окончив третьего курса. Умерла в самом начале своего жизненного пути, не успев сделать все то, что полагается человеку. Неужели ее маленькая жизнь была неудачно и зря прожита? Нет. Жизнь исчисляется мгновениями! Вспышками — не достижениями. Их придумали люди. Любовь измеряется жизнью.

Я хоронила близких, теряла друзей, меня предавали. Меня любили. У меня было незабываемое детство. У меня есть Катя, дочь. Рядом со мной люди, которые верят в меня. Моя судьба складывается так, как должна была сложиться.

Сегодня у меня выходной. Завтра — работа. Потом опять два выходных. Два, а иногда три раза в неделю я хожу к одной семейной паре. Супругам по восемьдесят восемь лет. Я покупаю продукты, готовлю обед на три дня, кормлю их, убираю кухню и места общего пользования. Занимает это целый день, к концу которого я прилично устаю, но эти люди стали мне почти родными. Мы целуемся при встрече и прощании, они рас-

сказывают мне о себе, а я смеюсь, потому что у него необыкновенное чувство юмора. Прожили они вместе семьдесят лет. Он — генерал-майор военной разведки, она всегда была рядом с ним или ждала его. Они почти ничего не видят, и я ножом помогаю им найти еду в тарелке. Они с трудом передвигают ноги, но каждое утро я вижу его выбритым, а ее — в белой блузе с золотым кулоном Козерога, подаренным ей мужем в этом году на день рождения. Под столом она ищет его руку, он ее крепко жмет, и тогда она улыбается. Иногда она подзывает его к себе, чтобы поцеловать, и целует его — скупно, но с тем чувством, на которое мало кто способен из молодых. Когда нужно, чтобы они закрыли за мной дверь, заглядываю к ним в спальню и вижу, как они спят обнявшись...

Я окончила театральный институт в Москве, играла в нескольких театрах, у меня были хорошие роли, а потом ушла и страдала без работы. Говорят, плохой характер. Может быть... Я могу многое из того, чего не могут другие, но я не могу делать то, что многие делают с легкостью. Мне приятнее приходиться к старикам.

Я пришла к вам. Вы рады мне?

Весна. Мне года три. В нашем палисаднике идет стройка. Там, где была веранда, — пустое место, ровный квадрат черной земли, а вместо двери в кухню — новая кирпичная стена. Теперь вход в дом с другой стороны.

Я хожу по двору и рассматриваю доски, шифер, кирпичи, ведра с раствором, впервые появившиеся в моем личном пространстве. Я все трогаю, мне все интересно, все нравится. Нравится стук молотка и звук пилы, нравятся веселые рабочие и окурки, плавающие в ведре с водой, нравятся распускающийся липкий куст сирени у забора и кошка, лежащая на куче опилок. Не нравится мне только закрытая калитка нашего палисадника.

Я подхожу к калитке, становлюсь на цыпочки и пытаюсь вытащить из петли тяжелый крючок, держащий меня в пределах нашего двора. Крюк не дается. Я приношу кирпич, встаю на него — так мне удобнее. Вдруг на мою руку садится пчела. Первая в моей жизни! Настоящая! Она тяжело ползет по руке и останавливается на большом пальце.

Мы смотрим друг на друга, не шевелясь. Первой не выдерживаю я и глажу ее по яркой спинке. Она выгибает свое красивое тело, и я чувствую горячий укус.

Смахнув ее на землю, я вижу, как она, свернувшись в кольцо, неподвижно лежит в пыли. Палец мой быстро увеличивается в размере и теряет чувствительность. Обидно до слез. Запор не поддается, пчела сдохла, рука становится ватной. Я изо всех сил подпираю снизу плечом крюк и кубарем вываливаюсь на улицу. Какие-то люди стоят, идут, едут на велосипедах, сидят в колясочках. А я самостоятельно выхожу на улицу! К ним! Вот она я! Я пришла к вам! Вы рады мне?

Сорок лет назад мы жили в Феодосии. С рождения и до двенадцати лет я прожила в этом городе. Хочу я или не хочу, но мысли мои то и дело возвращаются туда, переплетаются с другими, прорастают в них и неплохо себя там чувствуют. Не помню, кто сказал, что воспоминания — рай, из которого нас никто не может изгнать. Это так.

Родилась я

*Рассказ моей сестры Нанки,
которая старше меня на три года*

Я сидела на кухне за столом, ела яйцо всмятку и пила кисель из папиной большой кружки, той, которая сейчас у тебя. Рядом на диване сидела бабушка, папина мама, и говорила, что теперь мне надо хорошо есть, потому что я старшая, а значит, большая. Помню, в тот момент она была очень красивая и вся светилась от радости. Открылась дверь, пахнуло холодом с веранды, и вошли мама с папой. У папы в руках было что-то завернутое в желтое одеяло. Бабушка сразу встала, забрала сверток и стала туда заглядывать. Потом спросила меня, хочу ли я поддержать свою сестренку. Я обхватила тебя руками, а бабушка снизу поддерживала. Ты мне так понравилась! Такая хорошенькая! Тихо себе спала. Ты вообще была очень тихая. Не помню, чтобы ты плакала.

Потом тебя положили на большую кровать, и папа не отрываясь долго смотрел на тебя, так и не сняв пальто. У него была кепка и серое пальто в елочку, а внизу свитер крупной вязки, водолазный, помнишь его? А на маме — синее мягкое пальто с большими пуговицами и желтый

платочек в клетку, она его потом повязывала, когда ходила в сарай рубить дрова. Помню, что в тот день было очень тихо в доме и все были такие радостные, улыбались и говорили шепотом. Потом в папину кепку положили бумажки и тянули их наугад. Вытащили бумажку, где было написано “Александра”. Бабушка была счастлива, что тебя назвали ее именем, а папа сказал: “Сашулька, значит”. Папа-то хотел мальчика, а мама вообще не хотела больше рожать — боялась (папа ведь пил уже), но он уговорил ее, слово дал, что бросит.

Он тебя безумно любил, с рук не спускал, подолгу смотрел, как ты спишь.

Ясли

Мне года два. Моя рука вытянута во всю длину вверх, когда я держусь за мамину руку. На мне желтое пальто — потом, позже, когда я подрасту, я буду надевать его на свою куклу.

Мы с мамой вошли в ворота и оказались в довольно широком дворе. Кучками стояли дети. Они не бегали и не кричали, а просто молча стояли. Мы подошли к большой тете в белом халате, которая держала под грудью белую эмалированную кастрюлю. Помню, как она улыбнулась и протянула мне морковку. Я взяла, и она прижала меня лицом к своей слоновьей ноге. Я поняла, что мама сейчас хочет уйти и я должна дать ей это сделать. Помню чувство неизбежности и покорности. И морковку, которую можно было не взять и тогда здесь не остаться. Но я ее взяла, и мама ушла.

Однажды утром нас повели к морю. Мы шли, держась за веревку, и это было весело. Раньше я никогда так не ходила.

Две воспитательницы сняли халаты и в лифчиках и трусах вошли по колено в море. Нянечка осталась на берегу и стала нас раздевать. Голрого ребенка передавала на руки воспитательницам, и те окунали его в воду. Почти все дети плакали. С ужасом я тихо ждала своей очереди. Помню стыд от своей наготы и бесконечное чувство сиротливости. А с набережной на нас смотрели прохожие и смеялись. После купания — ощущение братства с обесчещенными и обездоленными.

Про ясли больше ничего не помню, кроме того, что нас часто брали на руки, особенно во время прогулок.